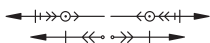

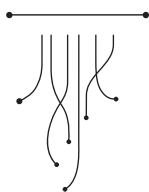

наталья
шнейдер

СЕРДЦЕ НЕКРОМАНТА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш76

Иллюстрация *Е. Совы*

Шнейдер, Наталья.
Ш76 Сердце некроманта / Наталья Шнейдер. —
Москва : Эксмо, 2026. — 352 с. — (Колдовские
миры).

ISBN 978-5-04-235384-0

Я была светлой жрицей. Его называли чудовищем. Монстром, отдавшим душу тьме. Но мое сострадание к нему стало моим преступлением: орден, которому я посвятила жизнь, приговорил меня к очистительному костру. И он вернулся, чтобы вытащить меня из огня. Теперь я связана с ним, с человеком, которого должна ненавидеть. Меня учили, что свет — это жизнь, а тьма — смерть. Но что, если моя настоящая жизнь начнется только во тьме его объятий?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-235384-0

© Шнейдер Н., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Глава 1

Пламя факела колыхнулось, выхватив из темноты лежащее на скамье тело.

Обнаженное мужское тело.

Я ойкнула, тут же прикрыла рот ладонью. Заставила себя выпрямиться, изобразив гордый и непроницаемый вид. Служительнице пресветлого Фейнрита не к лицу смущаться перед рабом Алайруса. Даже если щеки горят так, что, наверное, могут осветить камеру поярче факела, я сильнее приспешника темного бога, а низменным помыслам сейчас и вовсе нет места.

Стражник шагнул вперед, приблизившись к узнику. Факел, словно издеваясь, высвечивал то перебитое мышцами плечо, то упругие ягодицы. Во рту пересохло, и перестало хватать воздуха. Я уставилась в стену прямо перед собой — но она тонула во мраке, и взгляд сам собой устремился вниз.

Стражник подошел ближе, осветив черного целиком. Отчаянно стыдясь саму себя, я уставилась на него и снова едва не вскрикнула. На спине живого места не было — вспоротая кнутом кожа чередовалась с ожогами.

«Он некромант, — напомнила я себе. — Вероятно, он это заслужил».

Только дышать стало еще труднее — и сейчас вовсе не потому, что я впервые видела нагого мужчину.

— Прикройся, паскудник! — гаркнул стражник.

Узник поднял голову, длинные черные волосы упали на лицо.

— Зачем? — Голос был хриплым, точно карканье ворона. — Вы так старательно меня раздевали!

— Прикройся! — повторил стражник.

Он подобрал с пола и швырнул в черного ком тряпья. Тот вздрогнул, когда ткань упала на обнаженную спину. По телу пробежала судорога, но только неровный вздох выдал, что ему больно.

Сквозь гриву спутанных волос блеснули глаза.

— Неужели пресветлую сестру так смущает мой голый зад?

Я хватанула ртом воздух, лихорадочно подыскивая подходящий ответ.

— Ох, как я мог подумать так плохо о юной и чистой деве? — ухмыльнулся узник. — Конечно же, ее смущают раны, что нанесли мне ее братья ради моего же блага!

Стражник вздернул его за волосы, глухой стон сменился вскриком, когда кулак врезался узнику в лицо.

— Да я тебя...

— Хватит! — воскликнула я.

Стражник выпустил узника. Я решительно шагнула вперед, встав между ним и черным.

— Вы! — Я ткнула стражника в грудь. — Покиньте нас. Пусть этот человек остается как хочет. Исповедь не требует одежды.

В конце концов, какова цена принесенных обетов, если меня может смутить полуживой смертник? Я должна быть выше любых низменных чувств. Любых.

— Но сестра... — начал было стражник.

— Речь идет о душе, и в сравнении с ее спасением голые тела...

— Даже если это первые голые мужские тела, которые ты видишь, сестра? — Смех черного, хриплый и страшный, хлестнул точно плеть.

Я стиснула зубы. Каков бы ни был этот человек, дело касается спасения души. Моей гордыне здесь не место.

Стражник отодвинул меня будто куклу. Ударил черного. В этот раз узник не вскрикнул.

— Хватит! — Я схватила стражника за плечо, оттаскивая. — Я сказала, оставьте нас!

— Зря вы так, сестра. Он под пыткой глумился над нами. И над вашим добросердечием только поглумится. — Брезгливо скривившись, страж обтер кулак о накидку, прикрывавшую кольчугу.

Я вскинула голову.

— Я пришла сюда исполнить свой долг, и я его исполню.

Стражник усмехнулся. «Пой, птичка, пой. Посмотрим, надолго ли хватит твоего рвения», — было написано у него на лице.

Я изобразила самое непреклонное выражение, на которое только оказалась способна. Да, я совсем недавно приняла посвящение, и этого человека следовало бы исповедовать сестре Елене. Но она заболела, и матушка Епифания велела идти мне. «Чем

раньше ты увидишь зло во всей его неприглядности, тем лучше», — сказала она.

Этот некромант был воплощенным злом, но сейчас мне хотелось ударить стражника, а не его.

— Что ж, воля ваша. Стучите, если что. — Стражник воткнул факел в крепление на стене.

Скрипнули петли, стукнула дверь. Я осталась наедине с узником.

Сердце подпрыгнуло к горлу, мешая дышать. Я вскинула голову. «Я пришла сюда исполнить свой долг, и я его исполню».

Черный медленно, с видимым усилием, сел на нарах. Откинул со лба волосы, открывая лицо — лицо молодого мужчины. Если бы не опухшая скула и тонкая струйка крови из разбитой губы, его можно было бы даже назвать красивым. Разве злу не полагалось наложить на него свой отпечаток? Разве некромант может быть таким...

Я заставила себя выкинуть из головы неуместные мысли. Поговорю о них на исповеди с матушкой Епифанией, но сейчас я здесь за другим.

— Извини, что не могу приветствовать тебя стоя, как подобает, сестра. — Он посмотрел на меня с насмешливым любопытством.

«И слава пресветлому», — едва не вырвалось у меня. Не хватало еще, чтобы он встал, явившись во всей красе. Щеки обожгло, и я поспешила выбросить из головы грешные помыслы.

— Твои братья слишком усердно пытались наставить меня на путь истинный. — Голос черного окреп, обретая силу и из хриплого карканья превратившись в глубокий низкий баритон.

Я посмотрела ему в лицо — ни раскаяния, ни страха. И собственная нагота его, казалось, вовсе не смущала.

По коже пробежал холод, я зябко передернула плечами. Сквозняку здесь было неоткуда взяться, но воздух ощущался промозглым. Камень и темнота давили.

— Оденся. — Постаралась сказать это как можно мягче. Нет, меня не должны волновать «обнаженные мужские тела», тем более что, разговаривая, полагаются смотреть друг другу в лицо, а не на... ниже пояса. — Здесь холодно.

— Да ты никак шутишь, сестра? Здесь жарко.

И в самом деле, у него на лбу проступила испарина. Я мысленно обругала себя. Так вот откуда этот блеск глаз — не насмешка, а жар! И наглость тоже оттуда — этот человек просто болен и не отдает себе отчет...

— Здесь холодно, — повторила я, подходя к нему. Протянула руку — пощупать лоб, но черный перехватил мое запястье, и я едва не вскрикнула. То ли от неожиданности, то ли от жара пальцев, обжегшего мою кожу, то ли от боли — хватка была слишком жесткой для человека, якобы неспособного держаться на ногах. — У тебя жар.

Я потянулась к магии — и словно провалилась в пустоту. Это оказалось так внезапно и жутко, что я пошатнулась.

— В кладку встроены артефакты, поглощающие магию. — В голосе черного прозвучало что-то вроде... сочувствия? — Ты здесь так же бессильна, как и я.

Я снова обругала себя — как я могла забыть! Конечно, никто не оставит некроманту возможность колдовать.

— Я принесу тебе отвар ивовой коры. И...

Его смех, жесткий и страшный, заставил меня отшатнуться.

— Как трогательно! — сказал черный, отсмеявшись. — Пытаться избавить от жара человека, которому скоро станет еще жарче.

Я прикусила губу, пытаюсь сдержать наворачнувшиеся от обиды слезы.

— Грешно смеяться над милосердием.

— Так я и есть грешник. — Он попытался пожать плечами, но движение оборвалось, едва начавшись, лицо на миг исказилось от боли. Или мне это показалось — потому что, когда я заглянула ему в глаза, в них по-прежнему были лишь любопытство и насмешка. — Ты зря пришла, сестра.

— Я пришла исповедовать тебя и подготовить к последнему пути.

— Исповедовать? — усмехнулся он. — Пока твои братья-инквизиторы будут внимательно слушать, не назову ли я каких имен?

— Тайна исповеди нерушима! — возмутилась я.

Он замер на миг, а потом вдруг ухватил меня за запястье, стремительным рывком притянул к себе. Я пошатнулась, воздух застрял в горле, мешая вскрикнуть. Черный свободной рукой сжал мой подбородок, заглядывая в глаза, и я застыла, замороженная этим взглядом, кажется даже забыв как дышать.

— Откуда ж ты взялась, такая наивная птичка? — Он провел большим пальцем по моей скуле, и это прикосновение обожгло. — Или они думали, что, если пришьют тебя вместо какой-нибудь старой сколопендры, я растрогаюсь и разболтаюсь?

Я рванулась, отчетливо понимая: даже измученный и ослабевший, он сильнее. Надо было крикнуть, позвать на помощь, но грудь словно сдавило ледяным обручем, и воздух застрял в горле.

Черный выпустил меня так же неожиданно, как схватил, и я едва удержала равновесие. Отступила к двери, паника захлестывала разум. Бежать! Из этого каменного мешка, что вместе с силой тянет из меня, кажется, и саму жизнь. От этого жуткого черного, способного лишь посмеяться над последним таинством.

Нет. Мой долг, долг жрицы пресветлого Фейнрита — заботиться о душах, которые еще можно спасти. Этот человек — воплощение зла, но Господь в милосердии своем способен принять и эту душу.

Этот человек страдает от боли, и жар мутит его разум. Значит, я должна быть разумной за двоих.

— Здесь есть воздуховоды, иначе ни один узник не протянул бы и суток, — усмехнулся черный. — А где есть воздуховоды, там есть и уши. Ты зря пришла, сестра.

— Речь идет о твоей душе. Исповедь и покаяние...

— Покаяние? — Он поднялся, шагнул ко мне, и я попятилась, разом забыв обо всем, перестав видеть хоть что-то, кроме его лица, сейчас искаженного яростью. — В чем я должен покаяться? В том, что таким родился? Что Алайрус дал мне силу, не спрашивая моего желания? Или в том, что, осознав эту силу, я не приполз к вам на коленях, дабы вы забрали ее вместе с моей волей и разумом? Покаяться в том, что не согласился стать рабом, покорным големом?

Каждое его слово хлестало словно пощечина, и с каждым словом я отступала, пока не уперлась

спиной в стену. Но черный не отставал, и сейчас он навис надо мной и смотрел сверху.

— Если выбор между покорностью и костром, я выбираю костер. Ты зря пришла, сестра. Мне не в чем каяться, и исповедоваться я не желаю.

Зло и гордыня. В нем в самом деле не осталось ничего, кроме зла и гордыни. И все же я должна была...

— Ты выбрал как жить, но жизнь коротка...

Да уж, куда как короче. Ему, наверное, не больше двадцати пяти. Даже младше моего брата.

— Без покаяния ты обрекаешь свою душу на вечные... — Я осеклась под насмешливым взглядом.

— Ведь потому меня и ждет костер, не так ли? Чтобы пламя сожгло зло, очистило душу и она могла предстать перед Фейнритом...

Он отвернулся, двинулся к нарам, и я наконец вспомнила как дышать. Только взгляд никак не мог оторваться от него, то и дело возвращаясь к широким плечам и гордой посадке головы.

К багровым струпьям ожогов и кровавым полосам от кнута.

— Хотя я предпочел бы тот мрак, где царит Алай-рус. Он, по крайней мере, не лицемерит.

Черный пошатнулся, и я рванулась к нему прежде, чем поняла, что делаю. Подхватила под локоть. Он оттолкнул меня — сильно и больно. Я вскрикнула, теряя равновесие. Распахнулась дверь. Черный ухмыльнулся.

— Тайна исповеди, значит...

Кулак стражника врезался ему под дых, обрывая слова.

— Не смей! — закричала я. Забыв о том, что пресветлой жрице подобает хранить достоинство, бросилась на стражника, оттаскивая его за плечи. — Прекрати! Он ничего мне не сделал!

Стражник развернулся. «Тогда чего орала?» — было написано у него на лице.

— Проводите меня, — выдавила я, из последних сил стараясь не расплакаться.

Глава 2

— Эви, Эви... — Матушка Епифания сокрушенно покачала головой.

Мне захотелось склониться, упасть на колени. Ткнуться лицом ей в юбки, как когда-то я прибегала к маме со своими бедами.

Свою семью я не видела восемь лет, с тех пор, как мой дар проявил себя и меня отправили в обитель. Посвящая себя Фейнриту, послушницы, а потом пресветлые сестры отрекаются от мирского и бывших привязанностей. Но человек не может быть один, и матушка Епифания стала мне второй матерью.

— Немудрено запутаться, впервые столкнувшись с настоящим злом так близко, — сказала она. — Зло притягательно и соблазнительно. Яви оно свой истинный лик, и кто бы решился последовать за ним? Тот мужчина... Он ведь показался тебе...

— Что вы говорите, матушка! — воскликнула я, перебивая ее. Щеки налились горячим свинцом, и я невольно схватилась за них, точно пытаюсь спрятать.

Она мягко улыбнулась.

— Когда-то и я была молода.

«Откуда ж ты взялась, такая наивная птичка». Я словно снова ощутила касание горячих рук. Щеки запылали еще ярче.

— Я хочу вернуться в нашу обитель! — вырвалось у меня.

Совсем недавно я так радовалась, что матушка берет меня в столицу вместе с другими сестрами. Не только потому, что это было честью. Возможно, мне хоть издали посчастливится увидеть королевскую чету или кого-то из принцев.

Но сейчас я всей душой стремилась обратно — в тихую размеренную жизнь, к которой успела привыкнуть. Туда, где...

— Туда, где нет соблазнов? — спросила матушка, словно прочитав мои мысли. — Девочка моя, ты не сможешь бегать от искушения всю жизнь. Лучше, если ты столкнешься с ним сейчас, когда рядом есть кто-то, кто сумеет тебя поддержать и наставить. Справишься один раз — дальше будет проще, ведь ты убедишься в силе своей веры и своего духа.

— Так вы специально послали к черному именно меня? — догадалась я.

— Да. Эвелина, Фейнрит дал тебе сильный дар, но кому много дано, с того много и спросится. И поэтому тебе не отсидеться за стенами обители, избегая соблазнов. Но ты юна и многому еще должна научиться... — Она помолчала. — Скажи правду — ты ожидала увидеть чудовище?

Я кивнула.

— А увидела красивого, возможно страдающего, мужчину, и теперь не знаешь, что и думать?

— Да, матушка, я... — Я замешкалась, подбирая слова.

Я рассчитывала увидеть чудовище, это правда. Но причина моего смятения была вовсе не в том, что вместо чудовища мне предстал человек. Если злодей заслужил смерть, он должен умереть. Но унижать? Мучить? Чем мы тогда отличаемся от него?

Я собралась это озвучить, но матушка перебила меня:

— Боги никому не посылают страданий больше, чем человек способен вынести.

Я открыла было рот и снова закрыла — что я в свои восемнадцать могу знать о воле богов и страдании?

— Что до твоего смятения — это не последний красивый мужчина, которого ты встретишь на своем веку. Тело — сосуд для души и такое же создание Фейнрита. Нет греха в том, чтобы видеть телесную красоту. — Ее лицо стало грустным. — Грех в том, чтобы налить в хрусталь навозную жижу вместо драгоценного вина. Дитрих красив...

Дитрих. Вот, значит, как зовут черного. Имя удивительно ему шло — такое же жесткое и злое, как он сам.

О какой ерунде я думаю? Какое мне дело до имени этого человека? Утром его не станет, а потом и имя сотрется из воспоминаний. Чем быстрее, тем лучше.

— Красив, но душа его черна. Тебе жаль его?

— Нет, — покачала я головой. — Не жаль.

Даже избитый, в жару от лихорадки и едва держась на ногах, он не выглядел жалким.